Право и религия в «эру геномики»: перспективы взаимодействия

ЛАПАЕВА Валентина Викторовна, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук

Россия, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, 10

E-mail: lapaeva07@mail.ru

Цель статьи — проанализировать проблемы, связанные с выработкой глобальных правовых регуляторов, которые смогли бы вывести развитие геномных исследований и технологий в более безопасное русло и гарантировать сохранение единства человечества как биосоциальной общности. Задачи, которые решает при этом автор, заключаются: в обосновании тезиса о том, что в ближайшей перспективе сформировать такие регуляторы, скорее всего, не удастся, и в осмыслении возможных вариантов решения проблемы за счет новых подходов к взаимодействию права и религии в русле постсекулярного развития современного общества.

Методом исследования является направление философско-правовой мысли, основанное на понимании сущности различий между правовыми и морально-религиозными регуляторами и трактовке сущности права как принципа формального равенства.

Обосновывается вывод о том, что главная причина, затрудняющая глобальное правовое регулирование геномных исследований и технологий, заключается не столько в высокой конкуренции между странами и транснациональными корпорациями на рынках геномных технологий, сколько в наличии разных религиозно-антропологических традиций осмысления природы человека в различных технологически развитых регионах мира. Одно из направлений поиска выхода из ситуации — постсекулярный поворот, суть которого заключается в стремлении задействовать духовный потенциал христианства для выработки норм «мягкого права», способных удержать развитие науки и технологий в безопасном русле. Но поскольку религиозное сознание не сводится к христианскому миропониманию, основная регулятивная нагрузка на данном этапе ложится на мировое научное сообщество, имеющее свои рычаги и каналы влияния на ситуацию.

Ключевые слова: право, религия, христианство, геном человека, редактирование генома, технология CRISPR-Cas9, эмбрион человека, глобальное регулирование, наука.

Для цитирования: Лапаева В. В. Право и религия в «эру геномики»: перспективы взаимодействия // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 14—26. DOI: 10.12737/jrl.2020.091

На современном этапе новейшей истории, которую лауреат Нобелевской премии Д. Уотсон характеризует как «эра геномики», человечество вплотную подошло к экзистенциальному выбору: отправиться «в путь по генетической terra incognita»¹, воодушевляясь идеями трансгуманизма или безвольно следуя в русле «технологического императива», либо не поддаваться на соблазны «совершенствования» человека и ограничиться (насколько это возможно) лечением генетических заболеваний. Осознание исключительной сложности и значи-

мости такого выбора обусловлено большой работой по созданию этико-правовых регуляторов геномных исследований и технологий, которая уже несколько десятилетий ведется в структурах ООН, в наднациональных органах регионального масштаба, в международных неправительственных организациях и т. д. Однако конечная цель — формирование на глобальном уровне общезначимых правовых стандартов для развития данной сферы отношений — остается пока недостижимой.

Первые шаги в этом направлении внушали оптимизм: в апреле 1997 г. под эгидой Совета Европы была открыта для подписания Конвенция о

¹ Уотсон Д. ДНК. История генетической революции. СПб., 2019. С. 506.

защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (далее — Конвенция о правах человека и биомедицине), а через несколько месяцев принята Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и о правах человека. Однако между этими документами сразу же обозначилось различие в подходе к наиболее спорному и сложному вопросу о возможности наследуемого редактирования генома человека. Названная Конвенция заняла бескомпромиссную позицию: вмешательство в геном может быть осуществлено лишь в медицинских целях и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека. А Всеобщая декларация затронула проблему по касательной, введя лишь запрет на клонирование «в целях воспроизводства человеческих существ» и оставив открытым вопрос об онтологическом статусе эмбриона, от решения которого зависит, кто или что может считаться человеческим существом. В дальнейшем в этой области удалось принять лишь нормативные документы, относящиеся к так называемому мягкому праву, — Международную декларацию о генетических данных человека 2003 г. и Декларацию ООН о клонировании человека 2005 г. За почти четверть века, после принятия Конвенции о правах человека и биомедицине, ее не ратифицировали 18 государств — членов Совета Европы (в том числе Россия), и ни одно государство, не входящее в этот региональный союз, к Конвенции не присоединилось.

На данный момент есть основания говорить о том, что формирование международно-правовых основ развития геномных исследований и применения геномных технологий застопорилось. Однако после открытия метода направленного редактирования генома CRISPR-Cas9 и применения этого метода в Китае для рождения генномодифицированных детей необходимость дости-

жения глобальных правовых договоренностей резко актуализировалась. Реакцией на эти события стало создание в 2019 г. Консультативного комитета ВОЗ по контролю и надзору за деятельностью по редактированию генома человека, который приступил к разработке концепции глобального регулирования отношений в данной сфере. То обстоятельство, что речь идет лишь о поиске концептуальных подходов к решению проблемы, свидетельствует о серьезности существующих разногласий. Видимо, дело не только в исключительно высоком уровне конкуренции между странами и транснациональными корпорациями за первенство в применении геномных технологий. Уместно вспомнить, что первая декларация глобального масштаба — Всеобщая декларация прав человека 1948 г. — уже менее чем через 20 лет получила юридикацию в международных пактах глобального уровня. Вряд ли острейшие противоречия периода холодной войны между двумя мировыми системами были в свое время слабее, чем нынешнее соперничество за рынки геномных технологий. Разногласия в подходах к развитию геномных исследований и технологий, с которыми столкнулось современное мировое сообщество, имеют более глубокий характер: они исходят к фундаментальным мировоззренческим альтернативам, в основе которых лежат разные религиозные традиции осмысления природы человека.

Между тем философско-правовой анализ проблематики соотношения права и религии в сфере геномных исследований и технологий обычно ограничивается рамками христианства с присущими ему антропоморфизмом и трактовкой человека как существа, созданного по образу и подобию Творца. И хотя после анонсированного Ю. Хабермасом «постсекулярного поворота» произошел резкий рост интереса к данной проблематике, по свидетельству главного редактора журнала «Го-

сударство, религия, Церковь в России и за рубежом» Д. Узланера, при всем обилии монографий и статей как на Западе, так и в России, «концептуализация постсекулярного нередко не идет дальше абстрактной, пусть и вполне верной интуиции: «раньше религии было мало, а теперь ее стало много»»².

Еще менее проясненным остается характер взаимодействия религии и права, особенно применительно к проблематике геномных исследований и технологий, при анализе которой зачастую игнорируются не только иные мировые религии, но и принципиально разные подходы к проблеме внутри христианства. Речь идет о глубоких мировоззренческих различиях, а не просто о конфессиональных расхождениях, которые на официальном уровне не носят принципиального характера: все христианские конфессии в целом одобряют усилия, направленные на лечение болезней с помощью геной терапии, предостерегают (с разной мерой жесткости) от опасностей наследуемого редактирования генома в терапевтических целях и категорически отрицают применение технологий геной инженерии для совершенствования физических и когнитивных характеристик человека. Однако при этом в разных конфессиях (прежде всего в католичестве и православии) есть существенные, можно сказать — сущностные, различия в богословских трактовках отношения христианства к науке в целом и к геномике как одному из ее направлений. Чтобы понять суть этих различий, обратимся к идеям Л. Н. Толстого — признанного религиозного философа.

Сущность религии, писал он, состоит в ответе на вопрос: зачем живет человек и каково его отношение к миру. При этом основных типов отношения человека к миру только

три: 1) первобытное личное, т. е. направленное исключительно на личное благо; 2) языческое общественное, или семейно-государственное, направленное на благо семьи, общества, государства и т. д., вплоть до человечества в целом, и 3) подлинно христианское, или божеское. Зачатки высшего, т. е. божеского отношения к миру, присутствовали, по его мнению, «уже у пифагорийцев, терапевтов, ессеев, у египтян и у персов, у браминов, буддистов и таосистов в их высших представителях»³, но полное развитие они получили в истинном, неизвращенном христианстве. Применяя этот подход к науке, Л. Н. Толстой приходит к выводу, что «языческая наука, восстановленная во времена Возрождения, процветающая и теперь в нашем обществе под названием христианской, всегда была и продолжает быть только исследованием всех тех условий, при которых человек получает наибольшее благо... Церковно-христианская наука была и есть исследование тех условий, при которых приобретает спасение человека. Наука истинно христианская... есть исследование тех условий, при которых человек может познать требования высшей воли, пославшей его, и приложить их к жизни»⁴.

Принципиально иное понимание сущности христианства ярко представлено в работах Н. А. Бердяева, для которого человек — не орудие воли Божией, а творец, подобный в своем творческом начале Создателю: «Бог-Творец сотворил человека по своему образу и подобию, т. е. творцом, и призвал его к свободному творчеству, а не к формальному повиновению своей силе»⁵. Развитие именно этой линии христианской

³ Толстой Л. Н. Религия и нравственность. URL: <http://www.knigosite.org/Книги/56132> (дата обращения: 04.02.2020).

⁴ Там же.

⁵ Бердяев Н. А. О назначении человека. URL: http://www.librebook.me/o_

² Узланер Д. Картография постсекулярного. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo>.

традиции (которая для Л. Н. Толстого по сути является языческой) обеспечило включение христианства в культурную матрицу техногенной цивилизации. Хотя Н. А. Бердяев исходил из принципиальной непознаваемости Бога, для него границы рациональному познанию бытия Бога «ставит тайна, а не табу»⁶, в то время как согласно толстовской версии христианства человеку дозволено постигать лишь Божью волю. Но тайна, в отличие от табу, — явление подвижное: границы тайны могут смещаться под напором научного знания, например, о структуре генома человека. Человечество не просто сумело разгадать тайну древнейшей книги о сотворении человека — нашей ДНК⁷ — и прочесть закодированную в ней информацию: люди уже способны использовать полученное знание для искусственного конструирования человеческих существ и направленной эволюции всего человечества, как бы вставляя таким образом вровень с самим Творцом. На этом рубеже развития науки христианская религия, которая до сих пор в целом лояльно относилась к молекулярной биологии, возвращается к тому, что Л. Н. Толстой называл сутью христианства, и требует наложить табу на возможность «превратить Homo Sapiens в Homo Deus»⁸. Но может ли современный человек, уже возвысившийся до такого могущества, смиренно принять подобное табу?

Ю. Харари, задавшийся этим вопросом, склоняется к отрицательному ответу. Огромные деньги частных инвесторов, пишет он, вкладываются сейчас в биотехнологические проекты продления жизни и совершенствования природных качеств человека, и в итоге мы рискуем по-

лучить «разделение человечества на разные биологические касты или даже виды»⁹. Насколько обоснованы такие опасения? Ведь иной взгляд на ситуацию отстаивают не только трансгуманисты, рассматривающие человека как промежуточное звено в эволюции носителей разума, но и многие ведущие представители современной науки, полагающие, что геномные технологии не приведут к дегуманизации человечества. Например, Д. Уотсон рассчитывает на то, что эволюция с ее естественным отбором заложила в генетику человека моральные интуиции, которые не дадут разрушить социальную солидарность, потому что «способность любить закодирована в нашей ДНК»¹⁰.

Однако в этом заочном споре у Ю. Харари как историка есть сильные дополнительные аргументы. Эволюция, уверен он, заложила в человека и способность любить, и основанную на ней природную мораль, и стремление к равенству, но эти качества наглядно проявляются лишь в небольших группах. Когда же речь идет о поведении масс, то «открывается абсолютно иная реальность. Многие империи и царства, где неравенство достигало крайней степени, были на удивление стабильны и эффективны»¹¹. И если развитие пойдет по пути создания улучшенных элит, то нет никаких гарантий, что те, кто уйдет далеко вперед, захотят подтягивать массы до своего уровня. Особенно, если учесть тот факт, что уже в ближайшем будущем политико-экономическая верхушка глобального человеческого сообщества не будет нуждаться в широких массах для достижения собственного благополучия. Но когда массы утратят (а они уже утрачивают) свое военно-экономическое значение, про-

naznachenii_cheloveka (дата обращения: 04.02.2019).

⁶ Там же.

⁷ См.: Уотсон Д. Указ. соч. С. 506.

⁸ Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего. М., 2019. С. 30.

⁹ Харари Ю. 21 урок для XXI века. М., 2019. С. 104.

¹⁰ Уотсон Д. Указ. соч. С. 506.

¹¹ Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего. С. 168.

должат ли элиты, задается вопросом ученый, ценить каждую личность? В частности, будут ли они готовы постепенно распространять на всех технологии геномных технологий по лечению и апгрейду, которыми сами воспользуются в первых рядах?

Если рассуждать рационально (т. е. с той мерой цинизма, которая исключает наивное морализаторство), то естественно предположить, что в XXI в. для «усовершенствованной горсти сверхлюдей» будет самым выгодным «отцепить бесполезные задние вагоны и рвануть вперед только первым классом»¹². Во всяком случае было бы недальновидно сбрасывать со счетов такую возможность, особенно в условиях краха иллюзий по поводу того, что глобальный рынок всех накормит, и наглядной демонстрации глубоких нравственных противоречий, лежащих в основе нынешней модели «финансового капитализма». Сейчас, в преддверии нового глобального финансово-экономического кризиса уместно напомнить слова некоторых авторитетных аналитиков либерального спектра политической мысли, утверждавших, что главной причиной предыдущего кризиса 2008 г. стал «аморализм высших чиновников и бизнес-менеджеров»¹³. Поэтому не стоит рассчитывать на то, что так называемый олигархический интернационал, тесно спаянный общими интересами с национальными и наднациональными политическими элитами, озабочится распространением достижений геномики на широкие массы без мощного, хорошо организованного давления с их стороны. И пока механизмы такого общественного давления не будут созданы, необходимо мобилизовать весь имеющийся соционорма-

тивный потенциал для того, чтобы, не блокируя развитие геномной медицины, снизить уровень экзистенциальных угроз, связанных с отсутствием четкой грани между геной терапией и апгрейдом.

В этом контексте проблема взаимодействия права и религии приобретает особую актуальность. Интересный, хотя и спорный, анализ данной проблемы предлагает В. Л. Иноземцев. Сложные отношения между научной и религиозной мировоззренческими парадигмами, которые в течение нескольких последних столетий были характерны для евроцентричного мира, завершились, считает автор, победой третьей стороны — гуманистической правовой культуры, которая, взяв от христианства идею равенства людей, а от науки — принцип рационализма, лишила науку и религию возможности влиять на определение общезначимой повестки. Между тем в сфере геномных исследований и технологий дело обстоит не так.

Наука в лице медико-биологического сообщества первой не только подняла вопрос о включении общезначимых социальных ценностей в принципы научного этоса, но и перевела его в плоскость практических шагов по формированию системы этико-правовой регуляции и созданию институтов, способных направлять и контролировать развитие геномных исследований и применение геномных технологий. А представители философского знания первыми заговорили о том, что «освобожденный от оков Прометей... вызывает к жизни этику, добровольная узда которой призвана не дать его могуществу сделаться бедствием для человека»¹⁴, а затем, обратившись к проблемам биоэтики, заявили о необхо-

¹² Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего. С. 408—409.

¹³ Явлинский Г. А. Рецессия капитализма — скрытые причины. М., 2013. URL: <http://www.yavlinsky.ru/realekonomik.pdf>. (дата обращения: 14.02.2020).

¹⁴ Ионас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. Предисловие автора. URL: <http://www.makhankov.ucoz.ru/load...jonasa...otvetstvennostiquot...> (дата обращения: 14.02.2020).

димости постсекулярного поворота, возвращающего религиозные аргументы в публичный дискурс, и призвали науку к конструктивному и открытому для общества диалогу с религией, стремясь таким образом использовать накопленный веками регулятивный потенциал религиозной ценностно-нормативной системы. Церковь со своей стороны проявляет серьезную заинтересованность в обсуждении проблем биоэтики: в 1994 г. в Ватикане начала действовать Папская академия жизни, в задачи которой входит осмысление вопросов биомедицины и права с позиций «христианской морали и канонов католической церкви»¹⁵, а в 1998 г. при Московском Патриархате был создан Церковно-общественный совет по биомедицинской этике.

Именно генетики добились выделения 5% средств от беспрецедентного по своим масштабам государственного финансирования проекта на решение социальных и этических проблем, порождаемых развитием геномики, благодаря чему удалось быстро запустить программы по этическим, правовым и социальным последствиям геномных исследований в странах — участниках проекта «Геном человека»¹⁶. Параллельно шла большая работа в рамках Совета Европы с привлечением ученых, итогом которой стало принятие Конвенции о правах человека и биомедицине. Принципиально важно, что в Дополнительном протоколе к данной Конвенции была закреплена такая форма институционализации биомедицинской этики, как этические комитеты, призванные осуществ-

лять независимую междисциплинарную экспертизу этической приемлемости исследовательских проектов. Особое значение имеет положение о том, что работа этических комитетов проводится на основе привлечения опыта и знаний, адекватно отражающих профессиональные и непрофессиональные взгляды. Эти нормы имплементированы в законодательство всех технологически развитых стран, и к настоящему времени на их основе уже создана глобальная сеть этических комитетов, охватывающая все уровни принятия соответствующих решений — от национальных клиник и исследовательских учреждений до ЮНЕСКО.

Таким образом, биомедицина стала первым направлением технаук, которое сумело перейти в постнеклассическое пространство равноправного взаимодействия с обществом, в рамках которого биомедицинские исследования и технологии подвергаются всесторонней этической оценке и контролю. В итоге формируется «перекресток двух экзистенциальных угроз и соперничество двух экзистенциальных “забот”». Биомедицина диагностирует угрозу жизни человека... и предлагает ему спасительную, основанную на власти научных знаний, заботу о его здоровье. Биоэтика опознает угрозу в самовластье биомедицинских “истин” и технологий и, в свою очередь, предлагает “заботу” о защите жизни, достоинства и прав пациентов... Естественной средой этого конфликта оказывается публичный, или “профанный”, дискурс, поскольку эксперт в своей области (врач, философ, юрист и др.) является с необходимостью профаном во всех остальных»¹⁷. Именно на профанном уровне, подчеркивает П. Д. Тищенко, между ними возможен реальный социальный диалог, институциональной площадкой для

¹⁵ Pontifical Academies for Science, Social Sciences, Life. URL: http://www.vatican.va/roman...pontifical_academies/acdlife... (дата обращения: 12.04.2020).

¹⁶ См.: Гребенщикова Е. Г. Социогуманитарные контуры технаук: актуальность гуманитарной экспертизы // Знание, понимание, умение. 2018. № 1. С. 31.

¹⁷ Тищенко П. Д. Бивласть в эпоху биотехнологий. М., 2001. С. 73—74.

которого и служат биоэтические комитеты. На этой площадке наряду с учеными принимают участие и представители религиозных организаций. Пока роль религиозных деятелей в работе этических комитетов незначительна, однако по мере нарастания рисков и угроз от применения геномных технологий, а также с учетом той заинтересованности в работе этических комитетов, которую демонстрирует Церковь¹⁸, в ближайшем будущем ситуация может измениться.

Мы имеем здесь дело с формированием институализированного на правовом уровне канала влияния таких социальных институтов, как наука и религия, на принятие правовых решений в одной из важнейших сфер человеческой жизни. А поскольку значение геномных исследований и технологий в жизни общества, а также связанные с этим риски и угрозы будут возрастать, то возрастут и возможности науки оказывать влияние на правовую политику в данной сфере. Одновременно усилятся и вклад религиозного мировоззрения в соционормативное регулирование рассматриваемых отношений, поскольку у научного сообщества и у общества в целом есть понимание (скорее, предчувствие) того, что в какой-то момент именно религиозный опыт подлинного христианства может оказаться спасительным. Эту мысль Г. Йонас в свое время выразил в виде вопроса: «Сможем ли мы, без восстановления изничтоженной научным просвещением категории святого, обрести этику, способную обуздать могущество, которым сегодня располагаем...?»¹⁹. Спустя несколько десятилетий Ю. Хабермас ответил на этот вопрос идеей постсекулярного общества, легитимирующей общественную значимость такого типа миропонимания, в рамках которого

барьеры для чрезмерной творческой активности человека ставят не только вполне прагматичный страх, зачастую являющийся заменой мудрости, но и благоговейный ужас перед осквернением святыни, который «свободен от расчетливости страха и утешения неясностью все еще отдаленных последствий»²⁰.

Эти два разных типа реакции на риски и угрозы, которыми чреваты достижения в области геномной инженерии, — рациональный страх и иррациональный ужас — выражают на эмоциональном уровне специфику правового и религиозного по сути (т. е. подлинно христианского) подходов к проблеме. Право как равная мера свободы всегда будет руководствоваться соображениями разумной предосторожности (т. е. рационального страха) и взвешивать на своих весах выгоды и тяготы применительно ко всем субъектам, попадающим в сферу правового регулирования, включая конкретных пациентов, нуждающихся в геномной терапии, исследователей с их правом на свободу творчества и т. д. вплоть до будущих поколений человечества. А религия, для которой человек создан по образу и подобию Бога, будет до некоторых пределов идти навстречу мирским потребностям, но в какой-то момент в благоговейном ужасе наложит табу на вмешательство в «замысел Творца о человеке и мире»²¹.

В сфере биоэтики правовой и религиозно-христианский подходы конкурируют в пространстве, относящемся по сути к общественной морали. Так, создание при Московском Патриархате Церковно-общественного совета по биомедицинской этике обосновывалось вовсе не задачами религиозного воспитания и продвижения в мирскую жизнь христианской морали, а необходимостью восполнить «отсутствие осмысленных

¹⁸ См.: Православие и проблемы биоэтики: сб. работ. М., 2017. С. 500—504.

¹⁹ Йонас Г. Указ. соч.

²⁰ Йонас Г. Указ. соч.

²¹ Православие и проблемы биоэтики. С. 28.

и принятых обществом нравственных критериев исследований, ведущихся в биомедицине»²². В то же время в области биоправа²³ доминирует естественно-правовой тип правопонимания, сторонники которого, традиционно отождествляющие право и мораль, полагают, что конкуренция правового и религиозного подходов к проблемам биоэтики отражает противостояние светской и религиозной морали. Между тем право, мораль и религия как самостоятельные соционормативные системы базируются на сущностно разных регулятивных принципах²⁴. И там, где право, основанное на принципе формального равенства в свободе, ищет равносправедливый баланс интересов, а религия в ее христианской версии ориентируется на принцип благоговейной любви к Богу, мораль с ее принципом любви к человеку должна, отбросив страх и трепет, стремиться облегчить непосредственные страдания конкретного человека, пренебрегая и гипотетическими последствиями для неопределенного круга лиц, и Божьей карой.

Отвечая на главный вопрос «эры геномики» — следует ли воспользоваться новейшими методами редактирования генома человека «для перманентного изменения человеческой зародышевой линии»²⁵, — религия в ее подлинно христианской версии говорит безоговорочное «нет» любым попыткам человека встать вровень с Создателем, невзирая на страдания

пациентов, которые можно было бы облегчить благодаря методам геномного редактирования, а право ищет способы согласовать интересы этих людей с правомерными интересами всех иных субъектов правового регулирования. Активно действуя на «нейтральной полосе» общественной морали, христианская религия сумела довольно сильно потеснить прагматичные правовые соображения, что особенно хорошо видно на примере проблемы статуса человеческого эмбриона.

Несмотря на отсутствие в христианском богословии единой позиции о моменте зарождения души, с которого за эмбрионом признается человеческое достоинство²⁶, та традиция богословской мысли, которая увязывает зарождение души с моментом зачатия, оказала существенное влияние на развитие не только западной биомедицинской науки и биоэтической мысли, но также правовой теории и практики. Так, в ряде правовых систем (в том числе российской) получил распространение термин «правовой статус эмбриона», по смыслу которого эмбрион должен рассматриваться в качестве субъекта, а не объекта правового регулирования. Между тем в подавляющем большинстве стран эмбрион не является носителем прав, а значит, не обладает правовым статусом. Редкое исключение из этой практики составляет Ирландия, где Конституция признает право на жизнь нерожденного и уравнивает его с правом на жизнь матери. Но во всех остальных случаях юридически корректно говорить о правовом режиме манипуляций с эмбрионом как с объектом, имеющим особый онтологический статус. И даже в системах прецедентного права, где судебная практика пришла к выводу, что эмбрионы *in vitro* сле-

²² Православие и проблемы биоэтики. С. 11.

²³ Poland S. C. Bioethics, Biolaw, and Western Legal Heritage // Bioethics Research Library The Joseph and Rose Kennedy Institute of Ethics. URL: <http://www.bioethics.georgetown.edu>.

²⁴ См.: Лапаева В. В. Редактирование генома человека: правовые ограничения, моральные дозволения или религиозные запреты? // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 116—127.

²⁵ Уотсон Д. Указ. соч. С. 427.

²⁶ См.: Кадосов Е. Человеческий зародыш на ранней стадии. Богословское осмысление. URL: <http://www.scisne.net/a-2315> (дата обращения: 25.05.2020).

дует рассматривать как «вещь, которая может находиться в частной собственности»²⁷, генетические модификации эмбрионов либо запрещены (при этом запрет может распространяться на все исследование или, как в США, лишь на исследования, имеющие государственное финансирование), либо ограничены, как в Великобритании, двухнедельным сроком со дня оплодотворения при жестком запрете на имплантацию в тело женщины.

Однако за рамками христианской цивилизации не наблюдается столь трепетного отношения к статусу человеческого эмбриона, находящегося на начальных этапах развития. Для мусульман человеческая жизнь начинается на девятой неделе после зачатия, когда ангел вдыхает душу в зародыш, при этом считается, что только творения, «имеющие душу, обладают самостоятельным сознанием, подобно человеку»²⁸. А для буддизма, у которого нет понятия души, момент зарождения человека не принципиален, поскольку здесь «индивидуальное существование, состоящее из целой серии жизней, которые начинаются, продолжаются и оканчиваются, чтоб снова начаться, и так бесконечно, сравнивается с колесом или годом с 12 месяцами, неизменно повторяющимися»²⁹. Еще меньшее значение этим проблемам придается в конфуцианстве, которое, строго говоря, не является религией. Соответственно,

в Китае государство лишь запрещает использование эмбрионов в коммерческих целях. В Южной Корее оставшиеся после экстракорпорального оплодотворения эмбрионы можно хранить до пяти лет, после чего их можно использовать в научных целях³⁰. В Японии в 2019 г. вступили в действия правила, в которых разрешается редактирование эмбриона в научных целях³¹. Таким образом, эти страны получают существенные дополнительные преимущества в глобальной конкурентной борьбе за счет своего рода административной ренты, имеющей религиозно-мировоззренческую основу.

Китай уже сейчас находится на втором месте по вложению денег в разработку метода CRISPR/Cas9 для редактирования генома и запускает большее число клинических испытаний с использованием данной технологии, чем любая другая страна³². Именно китайские генетики первыми стали проводить апробацию данной технологии на человеческих эмбрионах. И хотя они брали для экспериментов нежизнеспособные одноклеточные эмбрионы *in vitro*, которые затем развивались всего до восьми клеток, западное научное сообщество в целом осудило эксперименты, журналы *Nature* и *Science* отказались публиковать информацию о результатах этих экспериментов, а директор Нацио-

²⁷ Момотов В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (вспомогательные репродуктивные технологии) // Российское правосудие. 2018. № 12. С. 5.

²⁸ Шейх Абд аль-Маджид аз-Зиндани, Шейх Ахмад М., д-р Мур К. Стадии развития человеческого эмбриона (в свете положений Корана и Сунны). URL: <http://www.os.x-pdf.ru/...1-stadii...chelovecheskogo-embriona...> (дата обращения: 22.05.2020).

²⁹ Дух, душа и тело. Основы буддизма. Из писем Е. И. Перих. URL: <http://www.enigmavita.livejournal.com/276839.html> (дата обращения: 15.04.2020).

³⁰ См.: Чоговадзе А. Г. Особенности законодательного регулирования преимплантационной диагностики в различных странах. URL: <http://www.genescells.ru/article...preimplantatsionnoy...stranah/> (дата обращения: 19.05.2020).

³¹ См.: Fukui K. Japan allows gene editing for research only. URL: <http://www.asia.nikkei.com/...Science/Japan-allows...editing-for...> (дата обращения: 14.05.2020).

³² См.: Cohen J. With its CRISPR revolution, China becomes a world leader in genome editing. URL: <https://www.sciencemag.org/news/2019/08...crispr...leader-genome...> (дата обращения: 14.05.2020).

нальных институтов здравоохранения США Ф. Коллинз в апреле 2015 г. выступил с заявлением, в котором отметил, что открывающаяся благодаря подобным экспериментам возможность редактирования человеческого зародышевой линии в клинических целях подавляющим большинством ученых рассматривается «как линия, которую не следует пересекать»³³. Поэтому обнародование в 2018 г. информации о рождении в Китае детей с генетически измененными эмбрионами имело эффект разорвавшейся бомбы, расколовшей научное сообщество на тех, кто призывает к пятилетнему глобальному мораторию на осуществление любых экспериментов по редактированию эмбрионов³⁴, и тех, кто считает необходимым допустить возможность исследований в четко ограниченных пределах, обеспечив контроль за общепринятыми стандартами их проведения³⁵.

При всей остроте дискуссий раскол в западном научном мире носит не глубокий характер: за обеими позициями просматривается общая озабоченность по поводу того, что страны, не обременяющие себя жесткими этико-правовыми ограничениями, навяжут мировому научному сообществу свои «правила игры». Д. Уотсон, выступающий за снятие полного запрета на геном-

ное редактирование зародышевой линии, формулирует проблему так: «Станем ли мы тормозить собственные исследования и решимся ли отвечать за то, что нас опередит культура, не разделяющая наших ценностей?»³⁶ Этот аргумент, явно не отвечающий требованиям политкорректности и потому обычно не высказываемый вслух, лежит в подтексте дискуссий, которые охватывают широкий спектр позиций: от установок на необходимость уже сейчас готовиться к тому, чтобы в нужный момент «выйти за пределы нашей хрупкой планеты, как и нашей хрупкой природы»³⁷, до утверждений о том, что нет «никакой медицинской необходимости вмешиваться в ход эволюции, длящейся уже 3,5 миллиарда лет»³⁸.

Мейнстрим в этих дискуссиях представлен тремя другими подходами: первый ориентирован на то, что для клинического использования технологий геномного редактирования зародышевой линии достаточно преодолеть технологический барьер, создаваемый перевесом рисков над терапевтическими выгодами; второй ставит во главу угла социальные риски, порождаемые этими технологиями; третий делает главный акцент на правах будущих поколений. Каждый из этих подходов имеет серьезные правовые зоны, и задача ответственного законодателя заключается в поиске оптимального баланса между ними. Однако проблема в том, что такого легитимного законодателя на гло-

³³ Collins F. Statement on NIH funding of research using gene-editing technologies in human embryos // National Institutes of Health. April 28. URL: <http://nih.gov/about-nih/who-we-are/nih-director/statements/statement-nih-funding-research-using-gene-editing-technologies-human-embryos> (дата обращения: 14.05.2020).

³⁴ См.: Lander E., Baylis F., Zhang F., et al. Adopt a moratorium on heritable genome editing // Nature. 2019. March 14. P. 165—168.

³⁵ См.: Editorial. Human germline editing needs one message. Science academies and the World Health Organization must act in unison // Nature. 2019. November 26. URL: <https://www.geneticsandsociety.org/article...scientists...edited...> (дата обращения: 14.05.2020).

³⁶ Ibid.

³⁷ Данную позицию отстаивает английский философ Дж. Харрис (см.: Юдин Б. Г. Человек как объект, потребитель и мишень техннауки // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 5. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e...2016/5/Yudin...Being-Technoscience/> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁸ Эти слова Ф. Коллинза (кстати, глубоко верующего человека) приводит в своей книге Д. Уотсон (см.: Уотсон Д. Указ. соч. С. 502).

бальном уровне нет и пока не предвидится, а на ином уровне эту задачу решить невозможно.

Очевидно, что наибольшие риски от неконтролируемого применения геномных технологий на обозримую перспективу будут связаны с возможностью необратимого раскола единства человечества как биосоциальной общности. Для предотвращения этой экзистенциальной по своим масштабам опасности могут быть востребованы духовный потенциал, заложенный в разные типы христианского мировоззрения, а также те проверенные веками ценностно-нормативные регуляторы, которыми располагает Церковь. Но главная нагрузка ло-

жится на мировое научное сообщество, обладающее собственными рычагами и каналами влияния на ситуацию. И если наука в лице медико-биологического и биоэтического сообществ сумеет удерживать развитие геномных исследований и технологий в безопасном для общества русле, она продемонстрирует, что в современном обществе наука становится социальным институтом, которому человечество может доверить свою судьбу. И тогда, возможно, появятся предпосылки для формирования такого общества будущего, в котором давняя сократовская идея о том, что «править должны знающие», обретет реальные очертания.

Библиографический список

Cohen J. With its CRISPR revolution, China becomes a world leader in genome editing. URL: <https://www.sciencemag.org/news/2019/08...crispr...leader-genome...> (дата обращения: 14.05.2020).

Collins F. Statement on NIH funding of research using gene-editing technologies in human embryos // National Institutes of Health. April 28. URL: <http://nih.gov/about-nih/who-we-are/nih-director/statements/statement-nih-funding-research-using-gene-editing-technologies-human-embryos> (дата обращения: 14.05.2020).

Editorial. Human germline editing needs one message. Science academies and the World Health Organization must act in unison // Nature. 2019. November 26. URL: <https://www.geneticsandsociety.org/article...scientists...edited...> (дата обращения: 14.05.2020).

Fukui K. Japan allows gene editing for research only. URL: <http://www.asia.nikkei.com/...Science/Japan-allows...editing-for...> (дата обращения: 14.05.2020).

Lander E., Baylis F., Zhang F., et. al. Adopt a moratorium on heritable genome editing // Nature. 2019. March 14.

Poland S. C. Bioethics, Biolaw, and Western Legal Heritage // Bioethics Research Library The Joseph and Rose Kennedy Institute of Ethics. URL: <http://www.bioethics.georgetown.edu>.

Pontifical Academies for Science, Social Sciences, Life. URL: http://www.vatican.va/roman...pontifical_academies/acdlife... (дата обращения: 12.04.2020).

Бердяев Н. А. О назначении человека. URL: http://www.librebook.me/o_naznachenii_cheloveka (дата обращения: 04.02.2019).

Гребенщикова Е. Г. Социогуманитарные контуры технотехники: актуальность гуманитарной экспертизы // Знание, понимание, умение. 2018. № 1.

Дух, душа и тело. Основы буддизма. Из писем Е. И. Перих. URL: <http://www.enigma-vita.livejournal.com/276839.html> (дата обращения: 15.04.2020).

Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. Предисловие автора. URL: <http://www.makhankov.ucoz.ru/load...jonasa...otvetstvennostiquot...> (дата обращения: 14.02.2020).

Кадосов Е. Человеческий зародыш на ранней стадии. Богословское осмысление. URL: <http://www.scisne.net/a-2315> (дата обращения: 25.05.2020).

Лапаева В. В. Редактирование генома человека: правовые ограничения, моральные дозволения или религиозные запреты? // Вопросы философии. 2020. № 5.

Момотов В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (вспомогательные репродуктивные технологии) // Российское правосудие. 2018. № 12.

Православие и проблемы биоэтики: сб. работ. М., 2017.

Тищенко П. Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. М., 2001.

Толстой Л. Н. Религия и нравственность. URL: <http://www.knigosite.org/Книги/56132> (дата обращения: 04.02.2020).

Узланер Д. Картография постсекулярного. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo>.

Уотсон Д. ДНК. История генетической революции. СПб., 2019.

Харари Ю. 21 урок для XXI века. М., 2019.

Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего. М., 2019.

Чоговадзе А. Г. Особенности законодательного регулирования преимплантационной диагностики в различных странах. URL: <http://www.genescells.ru/article...preimplantatsionnoy...stranah/> (дата обращения: 19.05.2020).

Шейх Абд аль-Маджид аз-Зиндани, Шейх Ахмад М., д-р Мур К. Стадии развития человеческого эмбриона (в свете положений Корана и Сунны). URL: <http://www.os.x-pdf.ru/...1-stadii...chelovecheskogo-embriona...> (дата обращения: 22.05.2020).

Юдин Б. Г. Человек как объект, потребитель и мишень технонауки // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 5. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e...2016/5/Yudin...Being-Technoscience/> (дата обращения: 22.05.2020).

Явлинский Г. А. Рецессия капитализма — скрытые причины. М., 2013. URL: <http://www.yavlinsky.ru/realekonomik.pdf>. (дата обращения: 14.02.2020).

Law and Religion in the “Age of Genomics”

V. V. Lapaeva, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow 119019, Russian Federation

E-mail: lapaeva07@mail.ru

DOI: 10.12737/jrl.2020.091

The purpose of the article is to analyze the problems associated with the working out the global legal regulators able to bring the development of genomic research and technology into a safer course and guarantee the preservation of humanity as a biosocial community. The author solves the following tasks: 1) to substantiate the thesis that in the near future it will be hardly possible to form such regulators, and 2) to comprehend possible solutions to the problem through new approaches to the interaction of law and religion in line with the secular development of modern society.

The research method is such a direction of philosophical and legal thought, which is based on an understanding of the essential differences between legal and moral-religious regulators and an interpretation of the essence of law as a principle of formal equality.

The conclusion substantiates that the main reason is that global legal regulation requires genetic research and technologies. This, in turn, requires enormous efforts between countries and transnational corporations to study genomic technologies, which exist in various religious and anthropological traditions of understanding human nature in various technological areas of the world. The way out of the situation is a post-secular turn, which consists in the desire to use the spiritual potential for the development of normal “soft law”. Since religious consciousness is not limited to a Christian worldview, the main regulatory burden at this stage falls on the world scientific community, which has its own levers and channels of influence on the situation.

Keywords: law, religion, Christianity, human genome, genome editing, CRISPR technology, human embryo, global regulation, science.

For citation: Lapaeva V. V. Law and Religion in the “Age of Genomics”. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2020, no. 8, pp. 14—26. DOI: 10.12737/jrl.2020.091 (In Russ.)

References

Berdyayev N. A. O naznachenii cheloveka. Available at: http://www.librebook.me/o_naznachenii_cheloveka (accessed 04.02.2019).

Chogovadze A. G. Osobennosti zakonodatel'nogo regulirovaniya preimplantatsionnoy diagnostiki v razlichnykh stranakh. Available at: <http://www.genescells.ru/article...preimplantatsionnoy...stranah/> (accessed 19.05.2020).

Cohen J. With its CRISPR revolution, China becomes a world leader in genome editing. Available at: <https://www.sciencemag.org/news/2019/08...crispr...leader-genome...> (data obrashcheniya 14.05.2020).

Collins F. Statement on NIH funding of research using gene-editing technologies in human embryos. *National Institutes of Health*. April 28. Available at: <http://nih.gov/about-nih/who-we-are/nih-director/statements/statement-nih-funding-research-using-gene-editing-technologies-human-embryos> (accessed 14.05.2020).

Dukh, dusha i telo. Osnovy buddizma. Iz Pisem E. I. Rerikh. Available at: <http://www.enigma-vita.livejournal.com/276839.html> (accessed 15.04.2020).

Editorial. Human germline editing needs one message. Science academies and the World Health Organization must act in unison. *Nature*, 2019, November 26. Available at: <https://www.geneticsandsociety.org/article...scientists...edited...> (accessed 14.05.2020).

Fukui K. Japan allows gene editing for research only. Available at: <http://www.asia.nikkei.com/...Science/Japan-allows...editing-for...> (accessed 14.05.2020).

Grebenschikova E. G. Sotsiogumanitarnye kontury tekhnologii: aktual'nost' gumanitarnoy ekspertizy. *Znanie, ponimanie, umenie*, 2018, no. 1, pp. 1–19.

Kadosov E. Chelovecheskiy zarodysh na ranney stadii. Bogoslovskoe osmyslenie. Available at: <http://www.scisne.net/a-2315> (accessed 25.05.2020).

Kharari Yu. 21 urok dlya XXI veka. Moscow, 2019. 411 p.

Kharari Yu. Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego. Moscow, 2019. 491 p.

Lander E., Baylis F., Zhang F. et. al. Adopt a moratorium on heritable genome editing. *Nature*, 2019, March 14, pp. 165–168.

Lapaeva V. V. Redaktirovanie genoma cheloveka: pravovye ogranicheniya, moral'nye dozvoleniya ili religioznye zaprety? *Voprosy filosofii*, 2020, no. 5, pp. 116–127.

Momotov V. V. Bioetika v kontekste zakonodatel'stva i pravoprimeneniya (vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii). *Rossiyskoe pravosudie*, 2018, no. 12, pp. 42–52.

Poland S.C. Bioethics, Biolaw, and Western Legal Heritage. *Bioethics Research Library The Joseph and Rose Kennedy Institute of Ethics*. Available at: <http://www.bioethics.georgetown.edu>.

Pontifical Academies for Science, Social Sciences, Life. Available at: http://www.vatican.va/roman...pontifical_academies/acdlife... (accessed 12.04.2020).

Pravoslavie i problemy bioetiki. Moscow, 2017.

Sheykh Abd al'-Madzhid az-Zindani, Sheykh Akhmad M., d-r Mur K. Stadii razvitiya chelovecheskogo embriona (v svete polozheniy Korana i Sunny). Available at: <http://www.os.x-pdf.ru/...1-stadii...chelovecheskogo-embriona...> (accessed 22.05.2020).

Tishchenko P. D. Biovlast' v epokhu biotekhnologiy. Moscow, 2001. 177 p.

Tolstoy L. N. Religiya i npravstvennost'. Available at: <http://www.knigosite.org/Knigi/56132> (accessed 04.02.2020).

Uotson D. DNK. Istoriya geneticheskoy revolyutsii. St. Petersburg, 2019. 508 p.

Uzlaner D. Kartografiya postsekulyarnogo... Available at: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo>.

Yavlinskiy G. A. Retsessiya kapitalizma — skrytye prichiny. Moscow, 2013. 184 p. Available at: <http://www.yavlinsky.ru/realekonomik.pdf>. (accessed 14.02.2020).

Yonas G. Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy tsivilizatsii. Predislovie avtora. Available at: <http://www.makhankov.ucoz.ru/load...jonasa...otvetstvennostiquot...> (accessed 14.02.2020).

Yudin B. G. Chelovek kak ob"ekt, potrebitel' i mishen' tekhnologii. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2016, no. 5, pp. 5–22. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e...2016/5/Yudin...Being-Technoscience/> (accessed 22.05.2020).